

Это положение вполне подтвердилось при сопоставлении записей в судовых журналах с графическим изображением хода плавания и расстановкой дат на всех навигационных картах, которые специально были изучены. Для анализа были взяты судовые журналы и карты плаваний Камчатских экспедиций 1733—1743 гг.,²⁰ экспедиции В. Я. Чирикова в 1765 и 1766 гг. на Шницберген,²¹ карта северной стороны острова св. Лаврентия по описи со шлюпа «Благонамеренный», выполненная в августе 1821 г.,²² судовой журнал шлюпа «Благонамеренный» за 1821 г.²³ Отбор материалов для сопоставления проводился с тем расчетом, чтобы охватить значительный отрезок времени — почти весь XVIII и первую четверть XIX в., чем исключалась всякая случайность. Анализ показал, что моряки строго соблюдали принятый во флоте порядок. Отчеты материалы — судовые журналы и навигационные карты — хронологически согласованы. В этих морских документах числа месяца прописаны не в конце, как полагают некоторые исследователи, а в начале суток.

Приведенные примеры являются лишь иллюстрацией к общим положениям статьи и ни в коем случае не могут исчерпать вопроса во всей его сложности и многообразии. Историкам-документалистам еще предстоит большая работа по переводу морского и астрономического календарей на обычный гражданский. Несомненно, что результатом этой кропотливой работы явится более точная хронология морской истории.

И. Э. КЛЕЙНЕНБЕРГ

«ЛОТЫЙ ЗВЕРЬ» НА ПЕЧАТЯХ ВЕЛИКОГО НОВГОРОДА XV в.

Большой интерес для русской сфрагистики периода феодальной раздробленности представляют собой государственные печати Великого Новгорода XV в. Эти печати наиболее тщательно изучены В. Л. Ивниным. Выводы из своих исследований он изложил наиболее полно в книге «Новгородские посадники», где также воспроизведены все известные типы печатей самостоятельного

²⁰ Д. М. Лебедев, Плавание А. Н. Чирикова на пакет-боте «Св. Павел» к побережью Америки. М., 1951; Атлас географических открытий в Сибири и северо-западной Америке XVII—XVIII вв. Под ред. А. В. Ефимова. М., 1963, карта 97.

²¹ ЦГАВМФ, ф. 1331, оп. 1, д. 24.

²² ЦГАВМФ, ф. 243, оп. 1, д. 71.

²³ ЦГАВМФ, ф. 1331, оп. 3, д. 183.

Новгорода.¹ Много внимания уделено новгородским печатям в совместном труде Е. П. Каменцовой и П. В. Устюгова, посвященном возникновению и развитию русской сфрагистики и геральдики; их работа включает очень полную библиографию отечественной литературы по этим двум вспомогательным историческим дисциплинам.²

В. Л. Янин установил, что вместе с реформой государственного управления Новгородской боярской республикой, относящейся к первой четверти XV в., когда окончательно оформился верховный орган боярской власти — Совет господ, появились вместо прежних именных печатей посадников и тысяцких новые типичные государственные буллы Новгорода, характеризующиеся надписями «Новгородская печать» и «Печать Великого Новгорода» и рядом изображенных на них эмблем; из них четыре выделяются светскими (всадник, зверь, птица и воин), а одна — религиозной («вседержитель»).³ К 1962 г. (году издания «Новгородских посадников») было известно 64 из государственных печатей Великого Новгорода, 62 из которых носят на себе по одной из названных эмблем. Если прибавить к этим 62 еще 6 именных печатей посадников и тысяцких с изображениями птицы, зверя и воина, датированных серединой XV в., то число печатей, снабженных этими эмблемами, возрастает до 68. Происхождение, значение и развитие этих 6 эмблем новгородской сфрагистики еще недостаточно изучены и выяснены. В. Л. Янин констатирует, что они, с одной стороны, сосуществуют с другой же — их употребление подлинно каким-то закономерным, нарастающим с течением времени; В. Л. Янин высказывает гипотезу, что эти изображения могли быть эмблемами новгородских князей, но они в зависимости от политического преобладания в разные периоды того или иного князя имели тенденцию к превращению в общеновгородский герб и применялись в функции такового на новгородских государственных печатях.⁴

Если подсчитать, как часто встречается каждая из этих эмблем на известных нам 68 печатях, то обнаружим, что всадник изображен только на 1 из них, вседержитель — на 2, воин — на 9, птица — на 43, а зверь — на 46. Таким образом, две трети печатей носят на себе изображение зверя, и поэтому эмблему зверя можно считать наиболее далеко зашедшей по пути к превращению в общеновгородскую эмблему, ставшей почти гербом Новгорода.⁵

¹ В. Л. Янин. Новгородские посадники. М., 1962.

² Е. П. Каменцова и П. В. Устюгов. Русская сфрагистика и геральдика. М., 1963.

³ В. Л. Янин. Новгородские посадники, стр. 270 и сл., 364—366.

⁴ Там же, стр. 364—366.

⁵ П. П. Лукачев. Печати Великого Новгорода, его посадников и тысяцких. Архив АИ СССР, ф. 246, оп. 1, № 123, л. 88. Цит. по: Е. П. Каменцова и П. В. Устюгов. Русская сфрагистика и геральдика, стр. 86, прим. 3.

Если другие эмблемы — вседержитель, воин, ивица и всадник — не вызвали у исследователей разных толкований, то изображение зверя породило вокруг себя борьбу мнений.

Б. П. Каменцева и П. В. Устюгов толкуют эту эмблему как своеобразное изображение фантастического зверя. Из приводимых ими объяснений других авторов можно назвать следующие: «животное вроде тигра, пантеры или, может быть, какое-то мифическое животное» (А. Б. Лакнер), «лев» (А. А. Шахматов), «барс» (П. П. Лихачев и в легендах к актам «Грамоты Великого Новгородца и Пскова»), «фантастическое чудовище грифон» (П. Г. Порфиридов).⁸ В одной из ранних статей В. Л. Янина зверь определен как крыса.⁹ Аналогичное изображение на одной из печатей договорной грамоты Новгородца с великим князем Тверским Борисом Александровичем А. Б. Лакнер определяет как «геральдическое животное с лошадиной головой, а с задом и ногами львиными, богущее левом с поднятым хвостом»; М. И. Полянский считает, что это «мифический конь, с львиным хвостом и когтями на ногах вместо копыт», а П. Я. Русев — «диким конем — эмблемой свободы»; П. Г. Порфиридов, приводящий все эти мнения, в изображении зверя видит «несколько стилизованного барса».¹⁰ Эмблему на другой печати (1376 г.) М. И. Полянский характеризует как «геральдического зверя, сходного с париевскими в Спасо-Передвижном храме животным, на котором изображен и ад блудница».¹¹

Такое многообразие толкований эмблемы зверя на печатях вызвано тем, что почти на всех из них зверь изображен по-разному. Последнее легко объясняется отсутствием на Руси XV в. своей собственной, строго регламентированной системы геральдических изображений, которая к тому времени уже существовала на Западе. Особенности вооружения боярской конницы не создавали условий для возникновения и развития родных гербов у русской знати, а также и производных от них светских государственных эмблем. На знаменах и печатях преобладали религиозные изображения. Резьщики матриц, составляя по заказу новгородских правителей рисунки для государственных бул с полами светскими эмблемами, не руководствовались при этом правилами западноевропейской геральдики, которые они могли и не знать,¹² а дей-

⁸ Цит. по: Б. П. Каменцева и П. В. Устюгов. Русская сфрагистика и геральдика, стр. 80.

⁹ В. Л. Янин. Печати из новгородских раскопок 1951 года. Сб. «Советский археолог», т. XVIII, М., 1953, стр. 374.

¹⁰ П. Г. Порфиридов. Очерки памятников новгородской сфрагистики. Печати Великого Новгородца. Новгородский исторический сборник, т. 8, Новгород, 1940, стр. 27.

¹¹ Там же.

¹² На то, что ни в Новгороде, ни в Пскове не было знатоков геральдики, которые сообщались бы с правилами западноевропейской геральдики, со-

стигали в каждом отдельном случае как свободные художники, создавая образ заказанного им зверя или птицы на основе русской художественной традиции соразмерно со своей фантазией, умением и талантом. При этом они отнюдь не стремились дать натуралистический образ изображаемого зверя.

Правители Новгородца считали и предвидели, что эмблема зверя и птицы на государственных печатях могут вызвать неправильное понимание и противоречащее их замыслу толкование. Поэтому, чтобы ни у кого не возникло никаких сомнений насчет того, какой зверь и какая птица изображены на печатях, они, по-видимому, вели на первых этапах посылки типов государственных бумаг вносить, кроме самого изображения, еще и объяснительные надписи. Известны 4 печати с птицей и надписью «орельъ и «орельъ и 3 печати со зверем и надписью «а се лють зверь». ¹¹

Если надпись «орельъ» одинаково была как для новгородцев XV в., так и для современных русских людей, то этого нельзя сказать про надпись «а се лють зверь». В. Л. Янин пишет, что эта надпись еще нуждается в толковании. ¹² Дело в том, что до сих пор лингвистами и историками не решена проблема, какое животное называли в Древней Руси «лютый зверем». Сохранившиеся в исторических упоминания «лютого зверя» вполне допускают возможность, что в древнерусском языке это словосочетание обозначало не одного какого-то определенного хищника, а в отдельных диалектных областях разных местных, наиболее «лютых» зверей. В ходе развития русского национального языка эти значения вышли из употребления и были забыты, так что в современном русском литературном языке сочетание «лютый зверь» перестало быть зоологическим термином и употребляется лишь в ироничном стиле для обозначения любого свирепого хищника.

В течение последних ста лет был опубликован ряд работ, в которых анализировались письменные средневековые и фольклорные источники с упоминанием «лютого зверя». Эти работы продвинули изучение вопроса, однако не ввели в него еще окончательной ясности. Таким образом, сфрагистическая и геральдическая задачи определения зверя, изображенного в качестве эмблемы на государственных печатях Новгородца, оказываются тесно связанными с разрешением лингвистической проблемы: какое именно дикое животное называлось в древнерусском языке «лютый зверем»?

сташки рисунки для монеты или печати, указывал П. П. Дихачев (Печати Пскова. Сов. архивовед, 1960, № 3, стр. 220).

¹¹ См.: В. Л. Янин и др. Новгородские печатники, стр. 351 и 353. Описания этих печатей даны под номерами 8, 8а, 8б и 14, 15, 15а и 15б; их образцы изображены на прилагаемых в конце книги таблицах 12 и 13.

¹² В. Л. Янин и др. Письма печати из новгородских раскопок. МИА СССР, № 55, М., 1956, стр. 140, прим. 6.

В данной статье не делается попытки дать полный ответ на этот лингвистический вопрос, т. е. проследить на основании всех упоминаний за развитием значений словосочетания «лютый зверь» на протяжении периода существования истинно зафиксированного русского языка на всей его территории. Так как целью настоящей работы уакогеральдическая и состоит в определении зверя, выбранного новгородским боярством в качестве эмблемы для государственных печатей, то и лингвистическую часть проблемы мы ограничиваем только поисками ответа на вопрос: какое животное называлось в Новгороде XV в. «лютым зверем»? При этом привлекается и материал, выходящий за пределы указанного времени и новгородского говора, если он способствует достижению поставленной цели. Ответ на поставленный вопрос должен дать ключ для понимания пояснительной надписи на печатах «а се лютъ зверь» и таким образом определить и самого зверя.

Начнем с краткого обзора литературы, специально посвященной изучению словосочетания «лютый зверь».

И. И. Срезневский в словаре древнерусского языка дает прилагательное «лютый» и приводит его возможные значения в разных контекстах: «дикий, свирепый, злой, жестокий, трудный, рылый, постыдный, безразличный, предный». Постоянное слово сочетание «лютый зверь» он объясняет как «волк», иллюстрируя это значение цитатами из «Поучения Владимира Мономаха» («лютый зверь скачол ко мне на бедра») и из «Слова о полку Игореве» («зекочи от них лютым зверем в полночи»).

Для И. И. Срезневского, следовательно, «лютый зверь» — это «волк».¹²

В 1877 г. В. Ф. Миллер опубликовал статью, в которой анализировал употребление сочетания «лютый зверь» в былинах и в средневековой книжной письменности. Он констатировал, что в разных редакциях одной и той же былины для обозначения одного и того же образа употребляются обороты «лютый зверь», «лютый зверь» и «серый волк»; в письменных же памятниках «лютъ» в некоторых случаях обозначает «самого страшного из четвероногих», и других же — «серого волка». Интересно также указание на то, что в литовском языке существует два названия льва — *lūtas* и *lūvas*. В. Ф. Миллер приходит к выводу, что первоначальное значение сочетания «лютый зверь» — это «лев», со временем же «лютый зверь» стали называть «волком», как наиболее свирепого хищника в русской фауне.¹³

¹² И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, т. II. СПб., 1902, столб. 96—97.

¹³ В. Ф. Миллер. О лютых звере народных песен. Труды Московского археол. общества, вып. I. М., 1877, стр. 8, 10 и 16—18. Этимологические доказательства тождества «лютъ» — «лев», которым В. Ф. Миллер уделяет в своей статье много места, основываются на труде польского лингвиста К. Паули (Carl Pauli). Die Benennung des Löwen bei den Indogermanen. München,

В 1951 г. В. А. Марин проанализировал все известные ему упоминания «слоного зверя» в древнерусской литературе. По его наблюдениям, несомненным сочетанием («зверь лют») всегда употребляется обобщенно, обозначая в характерном для дикого звериного зверя, пренебрежительное же сочетание («лютый зверь») может быть употреблено то с обобщенным значением, то с конкретным, т. е. «слотым зверем» могли называть также какое-то вполне определенное хищное животное. В. А. Марин обследовал в поисках толкования сочетания «слотый зверь» и конкретном значении большое число словарей и установил, что ни в одном из словарей XVIII—XIX вв. (ни церковно-славянского языка, ни в толковых одноязычных русских, ни в областных русских, ни в русско-иностранных) такая словарная единица не встречается. Только в лексиконе Паммы Берриды XVII в. субстантивированное прилагательное «слотый» дано как синоним слова «лев» (издание 1627 г., столб. 106, лев: лютый, царь зверей). Работая над рукописью русско-французского словаря 1586 г., В. А. Марин нашел там искомое различение. Автор этого словаря дает в качестве соответствия французскому словосочетанию *Un loup sauvage*, которое является одним из названий «рысь», русское «лют зверь». Убедившись этой единственной обнаруженной им балтийской В. А. Марин считает, что «слотый зверь» — это «рысь».¹⁵

Много разных мнений вызвал рассказ Владимира Мономаха о том, как во время охоты прыгнул на круп его лошади «слотый зверь» и повалил ее вместе с всадником. Зоолог Н. В. Шарлемань, специально изучивший названия животных, упоминаемых в древнерусской письменности и связывавший эти названия с определенными представителями русской фауны, проанализировал все прежние высказывания о «слотом звере» Владимира Мономаха. Привлекая дополнительно лексикографические данные (словарь Паммы Берриды), эконографические (фреску в восточной башне Софийского музея-заповедника в Киеве) и в первую очередь палеозоологические, он приходит к выводу, что на Владимира Мономаха попал не волк и не барс, а лев. Н. В. Шарлемань считает возмож-

1873). В. Паули отрицал факт, что названия льва и индоевропейских языках являются заимствованными, он утверждал, что все они являются производными одного и того же корня, исследованного всеми народами индоевропейской семьи языков на ранних этапах их совместной жизни в географических областях, где водились львы. Следует отметить, что взгляды В. Паули не были приняты научной лингвистикой и в настоящее время названия льва в славянских, балтийских и германских языках продолжают считать заимствованными, которые появились в эти языки разными путями из греческого (ср. данные о происхождении слов, обозначающих льва, в последних изданиях этимологических словарей: М. Ф а с м е р. Этимологический словарь русского языка. М., 1964—1967; Е. Ф р а н к е л. Litauisches etymologisches Wörterbuch. Göttingen, 1955—1963; Der Große Duden, Bd. VII: D u d e n. Etymologie, Herkunftswörterbuch der deutschen Sprache. Mannheim, 1963).

¹⁵ В. А. М а р и н. Из истории слов («слотый зверь», семья и кабардин). Сб. «Памяти академика А. В. Щербак», Л., 1954, стр. 192—193.

ным проникновением в XI в. отдельных львов откуда-то с юга, вероятнее всего с Кавказа, в степную зону Киевской Руси.¹⁶

Гипотеза П. В. Шарлеманя получила широкую известность благодаря популяризирующей ее статье, напечатанной в «Комсомольской правде».¹⁷

«Лютым зверем» в «Поучении Владимира Мономаха» занимался и В. В. Мауродин. В своей первой статье по этому вопросу он склонился к тому, что под «лютым зверем» скрывается какой-то хищник из породы кошачьих, скорее всего леопард.¹⁸

В другой статье, посвященной полемике с П. В. Шарлеманем, В. В. Мауродин приходит к выводу, что материалы, приведенные этим зоологом, не дают возможности категорически утверждать, что «лютый зверь» в «Поучении Мономаха» — лев и что именно лев изображен на фреске Софийского собора в Киеве. Свою статью В. В. Мауродин кончает словами, что ученый спор о том, кого в древности называли лютым зверем — льва или леопарда — должен разрешиться скорее всего в пользу леопарда.¹⁹

Последним по времени трудом по нашей теме является статья «Зверь» с подразделением «лютый зверь» в словаре-справочнике «Слова о полку Игореве», составленном В. Л. Виноградовой.²⁰ Хотя этот труд посвящен лексике только одного памятника, тем не менее и нем приобщены все значения слов поэмы, установленные на основании памятников письменности от XI до XVI в. включительно. Приведены также фольклорный материал, значения подчеркнуты цитатами, даны ссылки к соответствующей литературе. В. Л. Виноградова приходит к выводу, что устойчивое словосочетание «лютый зверь» могло употребляться в древнерусском языке, но в первых, для обозначения степного и хищного зверя, во вторых, как эвфемистическая замена конкретного наименования зверя (льва, волка, рыси и т. д.).²¹

Число гипотез, выдвигаемых исследователями в поисках значения древнерусской лексики «лютый зверь», отнюдь не уступает числу попыток истолкования изображения зверя на новгородских печатях. Словарь-справочник В. Л. Виноградовой не только подытоживает уже проделанную работу, но открывает и новые

¹⁶ П. В. Шарлемань. Загадочный зверь Древней Руси. Зоол. журнал, т. 53, вып. 2, 1963, стр. 293—296.

¹⁷ С. Перешквалова к «лютый зверь» Мономаха. Комсомольская правда от 21 марта 1965 г.

¹⁸ В. В. Мауродин. «Тур», «лютый зверь» и «спиреус» древнерусских источников (к вопросу об охотничьей терминологии Киевской Руси). В кн.: Исследования по отечественному источниковедению, Л., 1964, стр. 483—487.

¹⁹ В. В. Мауродин. Об одном изображении дикого зверя на фресках Софийского собора в Киеве. В кн.: Культура и искусство Древней Руси, Л., 1967, стр. 43—49.

²⁰ В. Л. Виноградова. Словарь-справочник «Слова о полку Игореве», вып. 1 (А—Г), М—Л, 1965; вып. 2 (Д—юнь), Л., 1967.

²¹ Там же, вып. 2, стр. 117.

перспективы для дальнейших исследований. Без вывод, что «лютым зверем» как и обобщением, так и в конкретном значении могло называться любое хищное животное, выдвигает на передний план новую задачу на пути к полному разрешению проблемы. Эта задача состоит в конкретизации, какого именно зверя называли «лютым» в точно определенные периоды в разных местностях Древней Руси. Таким образом, исследование надписей «и се люг зверя» на монгольских печатях XV в. и определение изображенного на них зверя могут стать очередным вкладом в дело разрешения проблемы «лютого зверя» в широком лексикологическом плане. Путь для нахождения ответа на вопрос, поставленный в настоящей статье, намечен крупным русским лексикологом В. А. Лариним. Путь этот состоит в поисках билинга в словарях и переводных литературных произведениях русской письменности XII—XVII вв.

Первую задачу для нас билингу мы находим в памятнике древнерусской переводной литературы, известном под названием «Дитеннино дитие». Эта светская воинская повесть является переводом византийской поэмы о подвигах Дитениса Акрита, относимой к X—XI вв. Перевод на древнерусский язык датируется XI—XII вв., но дошел он до нашего времени только в списках конца XVII и середины XVIII в. Как греческие варианты этой поэмы, так и ее русский перевод привлекли внимание византистов и литературоведов всего мира и дали повод для появления многочисленных статей и исследований. Из под пера советских ученых вышло два монографических исследования этого произведения.²² М. Серавский констатирует, что русский переводчик обращается при употреблении тех или иных выражений для перевода греческого оригинала к области того словоупотребления, которое обычно и характерно для русских памятников домонгольского периода. . . что поздний список . . . в достаточной степени сохранил древний свой облик и поэтому может дать довольно точное представление о самом древнем переводе, каким он вышел из под пера переводчика.²³ В. Д. Кузьмина также считает, что русский перевод достаточно точно воспроизводит черты оригинала греческой поэмы.²⁴

В поэме есть сцена, где описывается охота виного Дитениса — Дитенния. Витиань голыми руками убивает медведицу, догоняет лося и, схватив его за задние ноги, раздирает. В этот момент на него нападает лев. Дитеннис закрывает своей охотничьей подол, убивая лва мечом. Для нас здесь важно, что лвау (λέων)

²² М. С е р а в с к и й. «Дитеннино дитие», в истории его текста в старинной русской письменности. Исследования и тексты. Сб. Отделении русского языка и словесности Российской академии наук, т. 49, № 7, Изд. 1922; В. Д. К у з ь м и н а. Дитеннино дитие, М., 1962.

²³ М. С е р а в с к и й. Дитеннино дитие, стр. 77—78.

²⁴ В. Д. К у з ь м и н а. Дитеннино дитие, стр. 82.

или львице (*liza*) греческих пакетов в русском переводе по списку Тихонова (1744 г.) соответствует слово, «зверь», «лютый зверь» и «лютый зверь»,²⁵ и в списке Погодина (рубака XVII и XVIII вв.) — «лютый зверь».²⁶ Вывод здесь может быть лишь тот, что для русского переводчика XI—XII вв. и для последующих переписчиков его происхождения слова «зверь» и «лютый зверь» были синонимами.

Правда, в 1963 г. молодым американским автором Х. Ф. Грэхом (Даллас, США) была опубликована статья, в которой он указывает мысль, что русский переводчик не просто переводил греческий текст, но и приспособлял его для русского читателя. Х. Ф. Грэхм предполагает, что в порядке такой адаптации переводчик заменил греческое слово на слово, древнерусское ифемистическое название которого было «лютый зверь».²⁷ В. Д. Кузьмина, ознакомившись с работой Х. Ф. Грэхма и рукописи, разбирает его гипотезу и с юмором и откровенно ее. В. Д. Кузьмина считает доказанным, «что в сцене охоты героя на льва русский текст достаточно точно передал греческий архетип».²⁸

В том, что переводчик «Девгениева деяния» подразумевал под «лютый зверь» лва, не сомневался ни В. Ф. Миллер,²⁹ ни М. Сперанский.³⁰ Для нас исход этой полемики служит неким подкреплением правильности тождества «лютый зверь» и слово в языке домонгольской Руси.

Переходим теперь к словарной библиографии, заслуживающей наибольшего внимания. Речь идет о данных из «Лексикона Назмы Берляды». Этот словарь состоит из двух частей. В первой дается перевод большого числа старославянских слов церковной письменности на язык восточнославянского населения земель, входивших в состав Литовского великого княжества и Польши. Это были земли, где на основе древнерусского языка Киевской Руси развивались языки украинский и белорусский. Перевод, как правило, дается не одним словом, и приводятся синонимы. Во второй части дается толкование имен собственных древнеславянского, греческого и латинского происхождения, распростра-

²⁵ М. С п е р а н с к и й. Девгениево деяние, стр. 136—137; см. также приложение к монографии В. Д. Кузьминой фототипическое воспроизведение рукописи Тихонова.

²⁶ «Но мало же премину видение отец его на острове боганицы, на густом лесу, лютый зверь, разлемише чрево свое и хотише проглотити юношу. . . разжег его на дыбу» (М. С п е р а н с к и й. Девгениево деяние, стр. 159).

²⁷ H. F. G r a h m. The Ludyj Zver' in the Devgenievo Dejanie. Byzantinoslavica, vol. XXIV, 1, Praha, 1963, pp. 54—62.

²⁸ В. Д. К у з ь м и н а. Девгениево деяние, стр. 195.

²⁹ В. Ф. М и л л е р. О лютых звере народных песен, стр. 9.

³⁰ М. С п е р а н с к и й. Девгениево деяние, стр. 40, 84 и 94.

нившихся вместе с христианством. Словарь, следовательно, имеет характер толкового и синонимического словаря.²¹

Памма Берында относит слово «лея» к церковнославянским и толкует его два раза: как имя нарицательное и как имя собственное. В первом случае он дает в качестве эквивалентов «слютый» и «царь зверей», во втором — «царь, образе, лют». На данных «Лексикона» можно сделать вывод, что на территории правобережной Украины еще в первой четверти XVII в. субстантивированное прилагательное «слютый» или в краткой форме «лют» употреблялось в народной речи для обозначения льва, а народному «лею» противостояло церковно-книжное «лея».

Преобладание в речи населения Киевской Руси и территорий, позже вошедших в состав Литовского государства, названия льва «лют», «слютый» подтверждается заимствованием этого слова литовским языком. Вообще литовцы познакомились с понятием «лея» через русских и замечивали на русском языке обозначения этого животного как книжное «лея» — лит. *levas*, так и народное «лют» — лит. *lutas*.²²

Русско-литовское языковое взаимодействие началось еще в IX в., которым датируются наиболее ранние лексические заимствования.²³ Особенно сильным оно стало в XIV в. и позже, когда обширные территории с населением, говорившим на диалектах русского, украинского и белорусского языков, вошли в состав Литовского государства и русский язык стал там не только языком письменности и администрации, но и разговорным языком феодалов. Заимствование литовским языком слова «лют» в значении «лея» и наличие его в «Лексиконе» Паммы Берында свидетельствуют, что это обозначение льва было широко распространенным и постоянно употребляемым в речи восточнославянского населения Киевской Руси и Литовского государства и было еще живо в первой четверти XVII в.

Не привлекаясь еще словарное свидетельство тождества «слютый зверь» и «лея» мы находим в «Нижинемецком руководстве для изучения русского разговорного языка» Теодора Фелле. В словарном разделе этого учебного пособия, где перечисляются названия диких животных, прямо так и значится «слютый зверь».

²¹ П а м м а Б е р ы н д а. Лексикон словенорусский и имен толкование. Киев, 1627.

²² Там же, столб. 406 и 526. Здесь слово «царь» — шивашье льва на каком-то тюркском языке.

²³ Составители литовских этимологических словарей выводят *luta*, *lutas* и *levas* на белорусском языке, для *levas* допускают возможность заимствования из польского. См.: *Primas Skardžius*. Die slavischen Lehnwörter im Altlitauischen. Kaunas, 1931, SS. 120 u. 123; Ernst Fraenkel. Litauisches etymologisches Wörterbuch. Göttingen, 1955—1963, SS. 360 u. 382.

²⁴ К. В и г и. Die litauisch weißrussischen Beziehungen und ihr Alter. Zeitschrift für slavische Philologie, Bd. 1, 1925, SS. 26—55.

Лаше», т. е. «лев».²⁶ Этот учебник русского языка был составлен на рубеже XVI—XVII вв. для нужд немецких купцов, приезжавших в Псков. Но Т. Фенне использовал и включил в него материалы из предшествовавших учебных пособий того же назначения, которыми пользовались ганзейские купцы, посещавшие Новгород и Псков. В частности, труд Т. Фенне очень сходен с провинцией швед рукописью аналогичного происхождения из библиотеки Прусской государственной библиотеки. Автором этой рукописи считают Томаса Шроне, дерптского бургомистра и крупного купца конца XV в., посещавшего Новгород.²⁷

В словарной части учебника Т. Фенне отмечено наличие разных слов-лексем: с одной стороны, лексема, пережитая на старых учебниках ганзейских купцов, с другой — лексема, включенная туда самим Т. Фенне.²⁸ Если последний слой лексемы выделен на основе псковского словопользования, то в словах, восходящих к XV в., должно быть сильнее влияние новгородского говора, так как Новгород был в те времена городом, наиболее часто посещавшимся ганзейцами. Словарное свидетельство Т. Фенне говорит либо о том, что в Пскове на рубеже XVI—XVII вв. «слоотым зверем» еще называли льва, либо о том, что в области ганзейской торговли на Руси XV в., прежде всего в Новгороде, «слоотый зверь» означал «лев».

Для окончательного доказательства, что в Новгороде XV в. льва, действительно, называли «слоотым зверем» и притом не в шутливом стиле художественных происшествий, а в деловой речи, проведём небольшой эксперимент. В описях документов архива Новгородского приказа 1614 г., выданных С. О. Шмидтом, сохранилась следующая запись: «Книги шведские с лета 1596 го до 7045 й год при великом князе Иване Васильевиче всея Руси, как были у новгородских наместников от шведского князя Свен Стура посла Миколой Храмов да Костянтин дрогой зверь, били челом о перемирье, и učinили перемирье на 5 лет, и крестным целованием закрепились».²⁹ Несомненно, что «слоотый зверь» в этой записи не транскрипция кириллицей фамилии шведского посла, а ее перевод на русский язык. На Руси, как известно, считалась вполне допустимой незначительная адаптация иноязычных имен собственных, и том числе и перевод на русский язык фамилии

²⁶ T h o m a s F e n n e ' s L o w G e r m a n M a n u a l o f S p o k e n R u s s i a n . P s k o v , 1607. Ed. by L. L. Hammerich, Roman Jakobson, Elizabeth van Schooneveld, T. Starck and Ad. Stender-Petersen. Vol. 1, Facsimile Copy. Prefaced by Roman Jakobson and Elizabeth van Schooneveld. Published by the Royal Danish Academy of Sciences and Letters, Copenhagen, 1961, p. 73.

²⁷ Там же, стр. 18; М. П. Алексеев. «Гитка русского языка Т. Шроне 1596 г. и ее автор. Сб. «Научно-издательский в. В. Щербин», 3., 1954, стр. 103—112.

²⁸ T h o m a s F e n n e ' s L o w G e r m a n M a n u a l o f S p o k e n R u s s i a n , p. 24.

²⁹ Описи царского архива XVI в. и архива Новгородского приказа 1614 г. под редакцией С. О. Шмидта, М., 1960, стр. 118.

и прозвищ, если они еще не потеряли связи с именами паричтетальными и в них еще ощущалось предметное значение. Личные же имена шведцев, когда это были имена христианских святых, часто употреблялись не в национальной, а в их русской форме: например *Jens, Jan, John, Johann* передавались как Иван. Примерами такого периода прозвища и руссификации формы имен могут служить упоминания в погородских грамотах любекского посла Ивана Белого (1331 г.), любекского купца Федора Черного (1373 г.) и ревальского бюргера (копальника) Ивана Мяго (1417 г.).³⁹ В случаях же, когда ими не было представлено в православных святцах, ему подбирали только по созвучию соответствия из числа русских имен: *Herleke* — Артемий, *Goswin* — Гостел и Гостила.⁴⁰ Такие чисто фонетические соответствия, не основанные на действительной общей этимологии, иногда становились традиционными и закреплялись на долгое время: *Wilhelm* — Василий и *Heinrich* — Андрей бытовали еще в первой половине XX в.

Обычай переводить на русский язык фамилии, имеющие предметное значение, и дает нам возможность экспериментально установить, какое живое название в Новгороде конца XV в. «лютым зверем». Для этого следует лишь установить по шведским источникам, как в действительности в Швеции знали посла «Константина лютого зверя». Его достаточно крупная дипломатическая акция не могла не оставить свой след и в шведских архивах. Действительно, в указателе личных имен капитального труда О. С. Рудберга, составленного по договорам Швеции с иностранными державами, мы находим имена интересующих нас послов: *Clas Gramsov* и *Christer Lowe (Loffue)*, а в тексте цитируется грамота, из которой видно, что это посольство отправлено в Россию в 1487 г. и заключило там пятилетнее перемирие.⁴¹ Эта датировка хорошо согласуется с тем, что мы знаем по описи дел Посольского приказа, там первые «Швейские книги» отмечены в 1486 г., т. е. в 1488 г. Имя и фамилия первого посла совпадают полностью. Сопоставив же имя второго участника посольства в шведском и русском написаниях, мы установили, что фамилия *Lowe*, которая совпадает в немецком и датском языках с именем паричтетальным, обозначающим лва, была в Новгороде в таком смысле и воспринята. Следуя обычаю, ее перевели в Новгород на русский язык соответствующим употребительным в то время в погородском говоре словосочетанием «лютым зверем».

Возникает только вопрос, почему Кривтер назван по-русски Копетантином. Является ли это традиционным соответствием или

³⁹ Грамота Великого Новгорода и Пскова, М.—Л., №№ 33, 34 и 56.

⁴⁰ Там же, №№ 57, 58, 60 и 75.

⁴¹ O. S. R u d b e r g. Sveriges traktater med främmande makt, bd. I (första delen). Stockholm, 1877, Personregister s. 609 och 614, text s. 468.

случайной заменой, а может быть, это разные имена и, следовательно, разные лица? При решении этого вопроса нам опять оказывает помощь Т. Фенне. В его руководстве есть также раздел о соответствиях имен. Там мы находим, что русское Константин может заменять собой как латинское *Constans*, так и нидерландское *Causten*.⁴² Нидерландское *Causten* и немецкое *Christer* представляют собой народные варианты одного и того же имени *Christian*.⁴³ Таким образом, соответствие *Christer*—Константин является традиционным и подтверждает, что речь идет об одном и том же человеке. Следовательно, «лютый зверь» является переводом фамилии льва *Lowe*.

Последняя близнига является веским доказательством того, что в Новгородской второй половине XV в. льва называли «лютым зверем». Ведь эта близнига происходит не из перевода художественной повести, как «Денгешеново деянне», где переводчик мог приослаблять иноязычное произведение к пониманию русского читателя, заменив в нем иноземные реалии местными; эта близнига взята не из словаря, составленного далеко от Новгорода или иностранцем, наоборот, она взята из дипломатического документа, написанного и в самом Новгороде и интересующей нас период, т. е. в XV в. В то время уже очень тщательно следили за правильностью написания титулов и имен в ходе международных отношений, так как ошибки в них могли привести к серьезным недоразумениям и конфликтам. Разобранная близнига снимает также возможные сомнения в правильности толкования термина «лютый зверь» у Т. Фенне и верности перевода греч. «λύτος ζῆρ» — «лютый зверь» в «Денгешеновом деянне».

На основании приведенных свидетельств мы можем сделать вывод, что в течение нескольких веков в разных землях, входивших в состав Киевской Руси, в том числе и в Новгороде XV в., словообразователем «лютый зверь» называли льва. Таким образом, мы с полным правом можем считать повсеместную надпись на новгородских государственных печатах «ка се дѣст зверь» как «ка се дѣст лев» и видеть в изображенном на них звере льва.

Появление в первой четверти XV в. льва как эмблемы на новгородских государственных буллах не случайно. Окончательно оформившаяся в это время боярская республика подыскивала себе новую и при этом светскую эмблематику, которая должна была паразитировать мощь и величие Новгородского государства и обладать международной значимостью. Наиболее широко в геральдике всех стран и времен расцвелились изображения льва и орла, символы могущества, власти, великодушия и прозорливости. Поэтому мы и находим на большинстве новгородских

⁴² Tönnies Fenne's Low German Manual of Spoken Russian, p. 48.

⁴³ A. J a n z e n. Personnum. Nordisk kultur, bd. VII, Stockholm, 1937, s. 134.

Государственных була изображены лва и орла. О том, что эти эмблемы были для Новгорода кошами, говорит пояснительная надпись на первых их экземплярах. В. Л. Янин связывает обе упомянутые эмблемы с эмблемой концов города, считая изображенные звери эмблемой Славянского конца, а изображенные птицы — эмблемой Перенеского конца.⁴⁴ Это очень правдоподобно, так как оба конца доминировали в политической жизни города, а Славянский был колыбелью Новгорода; но и в этом случае эмблемы со львом и орлом должны были быть кошами, так как известны печати этих концов XV в. с традиционными изображениями патрональных святых.⁴⁵

Выбор изображения льва, ставшего почти гербом боярско-республиканского Новгорода, в качестве эмблемы для государственных печатей перекликается с выбором изображения для монет, которые Новгород начал чеканить в то же время, когда появились и первые буллы со львом. В. Л. Янин заметил, что композиция изображения на новгородских монетах (святая София, передвигая стоящему перед ней человеку — посаднику — символы власти) совпадает с традиционным изображением на венецианских монетах (св. Марк вручает дожу символы власти). В. Л. Янин считает, что новгородское боярство сознавало общее сходство новгородской формы управления с венецианской и осмысленно восприняло на своих монетах символику и композицию изображения на монетах Венеции, этой классической патрицианской городской республики.⁴⁶

Это наблюдение над символикой изображения на новгородских монетах можно распространить и на символику на печатях. Ведь гербом Венеции являлось и является изображение льва, спутника святого патрона этого города евангелиста Марка. Вполне допустимо предположение, что не только в изображении на монетах, но и в эмблеме на печатях новгородские бояре не желали уступить венецианским патрициям. Этим можно объяснить, почему изображение «лютвого зверя», т. е. льва, стало наиболее часто встречающейся эмблемой на новгородских государственных печатях XV в.

В данной работе разобрано несколько бизантизм. В отношении решения проблемы «лютвого зверя» в широком плане эти бизантизмы дают материал для подтверждения гипотезы, что «лютый», «лютый» и «лютый зверь» в русской речи населения Киевской Руси, а позднее, вплоть до первой четверти XVII в., на русском,

⁴⁴ В. Л. Янин. Новгородские посадники, стр. 365.

⁴⁵ Е. П. Каменикова и П. В. Семенов. Русская сфрагистика и геральдика, стр. 88.

⁴⁶ Там же, стр. 272—273.

украинском и белорусском языках обозначало льва, притом отиандь не эфемистически, а в качестве основного названия этого животного в устной народной речи,⁴¹ которое с течением времени все больше и больше вытеснялось из употребления церковно-книжным явля. Кроме того, словосочетание «злотый зверь» в разные времена и в разных местах употреблялось эфемистически для обозначения обитавших там самых злых хищников (например, волка, медведя, рыся и др.).

В отношении же частной проблемы настоящей работы разбразные и ней данные словарей и переводов доказывают, что «злотым зверем» в новгородском говоре XV в. называли льва и поэтому изображение звера на новгородских государственных печатях следует рассматривать как изображение льва.

И. Г. ПОРФИРЬЕВ

НОВГОРОДСКАЯ «ВЕЧЕВАЯ» ПЕЧАТЬ

Эфрагистика не принадлежит к тем вспомогательным историческим дисциплинам, которые пользуются широкой популярностью. Ее материал, давно разработанный специалистами, редко попадает ученые издания и помещается на страницах общих журналов или даже учебников и учебных атласов истории.

Но одному из наивитных древнерусской эфрагистики в этом отношении нечесталивалось больше других: он постоянно воспроизводится в учебниках и учебных пособиях и не раз упоминался в журнальных и газетных статьях. Это так называемая печать Новгородской республики с изображением вичевой стеномю.

⁴¹ Гипотезу о том, что слово «злотый зверь» было несомненно народным названием льва в Киевской Руси, высказали В. Ф. Миллер («Злотый зверь...», стр. 17) и Н. В. Шарошин («Златодротый зверь...», стр. 205). В пользу этой гипотезы можно добавить, что аналогичное народное метафорическое название льва существовало наряду с кельтским наименованием «голд» и древнерусским языке, но и в некоторых других языках северной части Европы. На чистое название льва разными паронимичными сочетаниями *ovgru dyu* и западнославянских средневековых текстах (доходно «двухм зверя») упоминается в статье «Louve» «Инциклопедии истории культуры скандинавского средневековья», там же приведено построенное по аналогичной словообразовательной модели финское народное название льва *jaloheinu* (Kulturhistorisk leksikon for nordisk middelalder, b. XI, København, 1966, S. 165). Такое описательное название льва являлось, по видимому, в средние века каноническим для языков народов этой части Европы, название которого первоначально могло узнать и языки иных по устным рассказам бывалых людей.